

81

L'IDEAL

CASINO

Наматки великаго филолога
(Эдуарда Гуссерля)

82; 11:14

1

Макс Миллер, въ нашу послѣднюю встречу,
за рѣдъ лѣтъ до его смерти, обратившись среди
беседы ко мнѣ съ вопросом: warum sind
Sie mit so einem Ungestüm gegen Husserl vorge-
gangen. А вы, Гуссерль, когда я навѣститъ
его опять въ Фрайбургъ, представилъ мнѣ
привѣщавшихъ изъ тому американскихъ фило-
софовъ възвѣтъ: мой конна такой-то.
Никто никогда такъ резко не нападалъ
на меня, какъ вы — и всегда пришла на
дружба. Слово Гуссерля, конечно, очень похвал-
но, но прежде всего въ немъ слышится, что
въ немъ борется столько разныхъ силъ у фи-
лософовъ „Descartisme“: его больше всего ин-
тересуетъ истина, и не можетъ никакой исти-
ны не только возможна, но почти существовать
дружба съ идеями противниками. Это
въ высшей степени показательно — и именно,
поэтому, выходящее по заслугамъ эту черту
въ характерѣ Гуссерля. На самомъ дѣлѣ
мнѣ другое: что такое въ ученіи Гуссерля
всего
важнѣе, можно сказать такъ: я въ немъ
нахожу. Мне представляется, что онъ

225x177

уменьшения столь прыжки и востор-
а также столь замечательной гуссерлев-
ной предположения пожелать изменить
не только со собственное учение, но и то
принцип, в силу которого оно само
представилось и чтобы поре представ-
ляется лишь столь неприменяемо. Воз-
ражений востановит не только и если воспро-
сить, но и того, противны которому
они направлены.

В сочинении ^{мн}/Гуссерля - тогда были мысли
еще его „Logische Untersuchungen“ и послед-
ующие уже давно, изданные и издан-
ной изданы. Впечатление было попри-
стующе: в философской литературе начала
двадцатого века мало кто мог срав-
ниться с Гуссерлем по мощи, амплитуде
и значительности мысли с Гуссерлем
Личное же знакомство с ним состоялось
после моего, и было издано в „R. Ph.“
моим изданием о чужом - этом же моем
издании. И для признания в Антверпен
где и меня поража в философских обра-

рубликам

встретил не в гостиницу, а у ^{Каюлибонсе} философа (философа) пригласил меня
к себе на обед на публичной даче. На
обедном, конечно, никаких философских
разговоров не было. Но сейчас поговорю,
как только мы переедем из столовой
в кабинет хозяина, Гуссерль начал
говорить на философский манер и сразу
перешел к теме. Это такое
характерное течение. Я помню, что
когда через несколько дней мы вместе
обедали у друга члена общества и,
когда после обеда тоже перешли в
кабинет хозяина, очень доброго человека
и ^{страстного} библиографа, или библиографа, или библиографа, или библиографа
своих библиотек разного рода книг
вот в первом издании, критики час.
разума или, или Гиппо - Гуссерль,
и вильяму оспаривать хозяина развешено
развешивание ружья и или черни
льственно инвентаризация Гуссерль
с мной на философский манер. Тогда
пересказывалось на полтора часа

сто въпросама слагаха се и този, кой е,
 но порученикът изговори пр. Кандола, който и
 задържаха го, съгласи се и Гуссери
 прие за мѣ въ Ларнака - а не сто и половина
 нѣща отъ него (Сорбонна). Франклински
 въпрос, които аз мѣ представих: ду-
 майте - и е, тѣ въ Ларнака на нѣм
 този, знаеще нѣмски езикъ и хитро
 възмущава въ моя представка? Гуссери
 всѣ дая въ бласти ороизваваща сто въ-
 просовъ и философията на дая.

Дно, и чичо, слагаше въ всичкитѣ
 дестотакъ - ^{всѣ} дестотакъ, които въ
 Фрейбургъ, а нѣмски и въ Ларнака. И аз
 дая интереса и значимостта призна-
 нѣ и даяща отъ него въ ^{не} хервоиз/на-
 мени разговора, въ дая нѣмски, на Фро-
 сившия ча менъ съ нѣмски ентратостѣи
 и рѣшкостѣи. Но нѣмски превратѣи нѣм
 въ каменица сѣмѣи, нѣмски и въ
 нѣмски сѣмѣи, а дая нѣмски удоу рѣи нѣ-
 лѣи разговора нѣм сѣмѣи въ Фрейбургъ.
 Но, нѣмски нѣмски каменица? Въ кам-
 еи и не каменица, тѣ дая нѣмски менъ

[illegible]

[illegible]

равно равносравненно и потому равно при-
 лжно, а вопроса жизни и смерти, что тут
 что не то что ты не слышишь, как у Лам-
 ты предугадать страшное и роковое со-
 роение, быть или не быть или еще лучше
 то же — все равно обаяние (почти же меди-
 цинское) откровения: разгадка сего вре-
 мени. Рассчитывать от того, что они со-
 борили было по истинной потребности.
 и никогда не забуду этой первой и второй
 битвы с Турсианом, как никогда не са-
 буду в памяти, как сего ^{на} много (вспомни
 лишь разницу от тех же сего происхождения:
 битвы с великими представителями те-
 ловитского духа и представителем в духе те-
 ловитского слова.
 Это и откровение и сказание сего, и
 право, почему сего и перенести, которую
 и то же понятие в сего, и в будущем и
 быть и не. Но, и потому и то же
 потому, что и пожелать прощения,
 и в том же не сравнимо может быть
 и не, равно как и то, и то же

тотчас рассказавши мне об внутрен-
 них источниках ваших статей оригинал-
 ных и столь важных и нужных и не сом-
 нываясь, что во Франции, где есть до
 личнейшей поэзии собственная (и то
 и ^{иногда} собственная) нежная — тщательная, но мо-
 стическая, знающая, что ее содержание
 страны имеет великий философский, поэти-
 ческий отпечаток ирисон, чужих кор-
 оть ^{предоставили в} ~~своих~~ ^б ~~под~~ ^в ~~густых~~ ^в ~~мудра-~~
 ных традиционных общих мыслей. Раз-
 ность между ними не только не
 отбрасывала мою потребность в высокой бу-
 ли того, что в союзе для философии,
 но наоборот подкрепляла ее. Ибо де-
 раться с вами, имено напротив всех душев-
 ных сил — а также и напряжение предпо-
 лагает, конечно, страсти и страсти
 со страсти и страсти, и пред нами сие
 на страсти и страсти: либо страсти
 все, что в страсти и не только то,
 что в страсти, но все страсти, и то
 страсти страсти страсти страсти

[illegible]

и так поплуты, что оно разбилось
во фрески?"

В этой берлоге, пожелав излечить
вкратце и с той приближенной точностью,
на которую обязывает всякое сокращение
и восстановление, как бы соразмерное
всему, что ^{считается} и соединено и развешено
на нем. Могут быть две причины

страдания, по своим первым замеча-

ниям ортопедии — быть Шенкелем. Это

не то и ушибающий камень греховности

и влиять столь пре-
бывающее

и заговорное, как и в "Брани", влиять из
своих книг. Это можно заметить, что

можно предпринять прежде изданных в
течение из конца времени, и изданных

тоже и у нас в дельте, которые отгра-
воятся человеку, (в Шенкеле) влиять

с введением из конца ^{бронзового} символизма?

Это ^{Шенкелем} ~~Кант~~ — в Шенкелем в Кант,

и в Кант, который с неограниченной

использованием в своей критике практи-

чески разум, в своей Шенкелем

критикой, а также Шенкелем и в

[illegible]

Вот почитай наши бедняги с Герасимом
всегда на ^и дню ^б тужи. Когда они просят
схарижить и принять, по моему прина-
меню не имеет ли обиду, оль сей час
же почитай обиду (которого вы как бы
не должны знать) фотарю или некто лоп-
от не существова. (у)челась с ч. о. (в от-
дальную лопатку и сразу же начал
присосаждать бедному. Это было с к. у. попу

мозга и работа над чертой жизни
своей жизни „Даниил Терзюк“ — который
так называется „Скопской Картины“. Есте-
ственно, что и ^{намерая} направить бедную че-
ту к тому, которые и были предметом
этой части моей книги и вот, когда
оказалось, что почти годично повто-
ряю, что потому в „С. К. Кар.“ было на-
писано: „В 196 году отправил Сократа. По-
сле Сократа остались у греков Алатон и
Алатон, пришедший с собой и с собой“
как возвратился Аристотель, не мог не
говорить, не мог не думать, что Сократ
отправил. Но, во всем это никак не со-
мнително и сомнение только один вопрос:
могло ли в мире быть такое великое та-
лант, который дал бы человеку и
навсегда принудил нас согласиться
с ним, что Сократ отправил? Для Ари-
стотеля такой вопрос, как и это безнача-
лельно несуществует. Он был у Сократа
то „истина“ — собою отправил, как и
истина — Сократа отправил равно по

Kampf und Sieg

были таковы, что были телесными
и бытиями вразумлен. Бытия не различает
между собой и Сократом, и мы - приуче-
ние к добру за добротой, приучающие
нежной областью тоже не различают никакой раз-
ницы между Сократом и собакой. Когда я ска-
зал ему это, и думаю, что со временем от него
добавится. Но, получившись инос: он все обратил
всему, можно так-то в мышлении души. Аван-
сире он уже равно проливает, что Аристоте-
левское, приучающее к той и той же ма-
нии в себе келую то нечто. Я был тогда
более поражен этим, что до того у нас
разгорелся горячий спор на тему, что
такое философия. Я сказал, что философия
есть борьба, он мне резко ответил: Nein,
Philosophie ist Besinnung. Но теперь харак-
тер декарта приняло иное направление.
Он почувствовал, что Аристотелевская
устойчивость покоится на песке. И вы-
ступил, что мой «Сократовский диалог»
появился (хотя и с редакционными приложе-
ниями) в журнале «Мир» - которому он

Предметы

и по образу снати и, въ особеннсти, по содер-
жанию блхъ совершенно непеременил усе же
у нас до хитя по тому образу, что въ нем
ограничивается наше удовольствіе, что истинно
„Сократъ отправил“ люди никогда не смо-
гутъ освободиться. Но Гуссерль, повторю,
не блхъ отървется ко всему душой. Уго-
воръ послѣ появился въ „Лозосъ“ моего, „Нар-
искида“ — въ напечатаніи члвч: вачи и пути-
че мои пути, по бачи проблематичу и
блочно понимая и въ живую. И, тогда и
получил список того страннаго факта, что
Гуссерль во время моего пребыванія въ Фрей-
бургѣ, узнавъ отъ меня, что я собственни-
чески киргардгасъ латагонной частью -
тивоство сталъ требовать въ меня, что
и полнокровны съ произведеніями дотла
по мнелителю какъ служило, что человекъ,
сене имеетъ свои положеній на правоче-
біе разума, члвч толкаетъ меня къ кир-
гарду, ставленію и члвч абсурду? Какъ
Гуссерль самъ, правда, не понималъ, пове-
дитому въ киргардгасъ члвч въ по-

люди не свели к нулю — и в сочинениях
 совершенно не видно стремления ^{сво} (личности)
 к какому бы то ни было из сочинений
 нь, надо думать, что из Киреевца —
 вплоть до его смерти издано много
 всего думу

II

Многочисленные отзывы с тех пор — Существование и
 роль науки, то была философия Гуссерля
 чисто методическая, но так же суждения
 и много читает заочники перед нами
 поставил перед собой Гуссерль открытую задачу.
 Сами Гуссерль на вопрос о том, что такое
 философия отвечает: философия есть наука
 об истинных началах, об истинных, о бы-
 тии *ἡ ἀληθὴς*. Это уже определенно
 с достаточной ясностью видно, что Гуссерль
 есть Гуссерль. В философии Гуссерль
 "Логос" в 1910-11 году получил его больше
 статьи, но название философии как
 строгой науки, ^{написанной} ~~которая~~ в обязанности
 прилагательных ^{мысль} ~~идея~~ и как бы в ~~идея~~ уже ранее не ~~идея~~
 идея философии, философией и так

[illegible]

то Гуссерль отирается отъ всего, что сродно
до этой философии — и оборотитъ отъ него ту
сущность свою (связь сь великими представите-
лями прошлого. » Хорошо сознавая величье
старой науки характеризуетъ Сократо-Аристо-
телевский переворотъ въ философию, и того
максимума научной функции противъ спекуляции
въ начале новой времени, въ эпоху и
декартовский переворотъ. Делая или пользу
переходитъ на великую философию XVI и XVII
века, обновляется съ радикальнейшей си-
лой въ критике истинного разума и
оказавъ еще влияние на философию Рихте
Безотговорное признание Гуссерля кь
своей лишь новой философии, на кото-
рую онъ безъ колебаний отъказывается: «быть не
хотелось даже назвать научную жизнь, не
философия философия, заключающая собой по-
лучнее, является самое большое, научным
конструктивным, или неопытным, подобраен-
цированиемъ сущности — мирозерцанием
и истиннейшего познания. » Мирозерцание —
то, что Гуссерль называетъ мирозерцаниемъ

124

125

или, не так свое открытие, а как вечно
истинную истину, уничтожает само себя.

Для Гуссерля это положение само по себе
нужно всем соизложением. Конечно,

и для со противников положение Про-
патора: „человек сам моря звери“ абсо-

лютно неприемлемо. Но Гуссерль ~~настаивает~~ настаивает
на том, что бесосновательно или скрывает они

во власти идеи Пропатора и не делают
себя в этом отчета, потому что они

не абсолютные, а специфические, как
он говорит относительно. Они видят

бессмысленность утверждения, что у ка-
ждого человека может быть свои субъек-

тив истинно, но не замечают, что че-
ловеческое бессмысленно утверждение, что у че-

ловеческого, как у вида есть свои субъективные
истины. Из противоположности всем соиз-

ложением философии и с величайшей
полной ^{настойчивой} ~~уверенностью~~ ^{уверенностью} ~~уверенностью~~

„что истинно, то абсолютно истинно“
само по себе; истинно. тожественно едину,

воспринимают-ли ее в суждениях людей
или тучи, философия или боги. ~~Их~~

127

дѣиныхъ словахъ — весь Гуссерль, вся огром-
ная и почти сверхчеловѣческая лагуна,
поставленная имъ себѣ и философіи, ко-
торая развивается начала, истины и
дурны всего сущаго. Ноги Конта, и
именно помять „критичннхъ чистаго разума“
такое утверждение казанья и копѣйки
совершенно безумнаго. Абсолютная ис-
тина, что рѣшительна серьезно говоритъ
о такихъ вещахъ? Гуссерль превосходитъ
Знаетъ, конечно, что современная мысль
боится поддѣлки изъ такого рода утвер-
жденій даже на численой вѣстникъ
Конечно, все искусство говорить о само-
тевидномъ истинномъ, но для нихъ са-
моочевидность, усмренность лица въ
существованіи всеобщаго и необходимого
сужденія — есть только, какъ баранья
Знаетъ, поступаютъ, дальше которыхъ
намъ не дано идти и что наша уве-
ренность въ существованіи такихъ истинъ,
держимся лишь субъективно исповѣ-
даніемъ сознания „чувствомъ само-

тевидности, сопровождающим таст по-
 тию машин. Как все думали, тогда
 говорили и другие базирующиеся на чистоте
 напр. друмань, и вельм касалось, вельм
 коньлось да не, тогда в эльм и овид-
 ли, достаточное основание, оправдыва-
 ющее наше полное доверие к результату
 наших научных изысканий. Но Лусерн и Лерн
 в этой волевой или невольной бесче-
 стии усмотрели страшную угрозу фи-
 лософии. Отъезды друмань и Зуварн
 оне имеют: „стало быть возможно
 существо особая вида, так сказать
 логические сверхуловы, для которых
 наши обоснования не обязательны,
 а обязательны все же и по, что
 истинно для нас, может быть ложно
 для них. Для них истинно то, что
 они не переживают тех психических
 явлений, которых они переживают, для
 них может быть истинно то, что они
 и не существуют, а для них это может и
 не быть, и обобщенное логическое
 суждение: такие существа лишены разума.

183

они доводять до істини і унітують
свої закони, універсують, і то ви-
никають свої особливі закони на-
гнети і отрицанням їх, оті котрі
доводять до істини закони болю-
ди і п'яти, істини і добувають, су-
ществование і неуществование терять
в них можливість всякого всякого
отрицания

Конечно, Усерв не ограничивается двумя
моральными законами. Правда,
ураза гуманности, которая
включена в сейчас приводимые законы
его уже входит далеко в предель про-
стого закона. Несомненно, ^{обнаруживая} ~~серьезно~~ в
универсальном всякого релятивизма, и не-
видушного или специфического, ^{не может} ~~не может~~
и трескитесь всякого фобосовского ис-
следования. Во втором же, логичес-
кий исследования от формулировки
может в более спокойном, но не менее
сильном выражении: «ни никогда не
допустить, что психология возможна

то, что логически и математически ^{яв} пред-
 лагается не так. Мы, по крайней мере,
 допускаем факт, что логический процесс
 является психологическим процессом, но
 мы отвергаем вывод, который на этом
 обоснован. Почему отвергаем? „Для
 нашей дисциплины психологический вопрос
 о восприятии соответствующих или отвле-
 ченных представлений не имеет никакого
 интереса“. И в этом пункте выступает
 вся оригинальность и особенность филосо-
 фии Времени Гуссерля своего философского
 построения. Она беспристрастно ютится
 вся на себе, не имеет приважности и
 видовости (или идеальности) предметов и
 ряду с индивидуальными (или реальными)
 предметами. „В этом пункте отни-
 жие между релятивистическим или эмпи-
 рическим психологизмом и идеализмом
 и в том единственном возможном со-
 гласованной (т.е. не заключающей в себе
 внутреннего противоречия) теории поз-
 нания. Соответственно этому Гуссерль

186

протівупоставляють акт психічної су-
 женні індивідуального членово істини.
 Я скажу вам судженіє, що $2 \times 2 = 4$. Це
 не судженіє, хоча і, істинно психологічес-
 кий акт і, якъ такъ вонъ, може бѣ
 предметомъ вивчення психолога. Не такъ
 якъ бѣ психологъ не вважавъ насъ закона
 реальної математики, вінъ ніколи не обра-
 зивъ насъ цимъ закономъ не вважавъ і
 принципа, по которому можна ^{роз-}ви-
 чаетъ істини. Наоборотъ, вінъ єсть ^{ра-}с-
 судженіє яке передбачає, що вѣрно ра-
 хування єсть критерій, по якому вінъ
 розличає істинну істини. Філософи не
 хочуть не ідентифікувати математичнихъ су-
 женій Івана или Петра о тому, що $2 \times 2 = 4$.
 Н. Відзначають судженіє ^{одноразу і тож саме предмету} (математики), по-
 минаючи одна. „Якщо єсть істинною математика
 изъ законівъ обчислень, тожестіи и т.д.
 Завключає о способі дій істини ма-
 тематики, вінъ, хоча і, перекладає яко-
 торіє суб'єктивні акти. Не суб'єктив-
 ний зв'язокъ істини відповідає

тьное объективно (т.е. независимо при
 ступающее к данной действительности и
 субъективности) существование, и оторо-
 еств то, что оно есть, все равно, осу-
 ществляет ли оно то же мышление или
 не осуществляет. "Тогда мысль еще есть
 врансия во ^ш том же Лог. Иссл. ... Если
 бы исчезли все тлетельные группы из груп-
 пиров, то эти бы да не были уничтожены
 законы тлетельности, они остались бы только
 без возможности фактического приме-
 нения. Они, впрочем, никак не говорят о су-
 ществовании ² массы тлетельности, а только
 о том, что причина тлетельности
 масса, как таковая. В этих слу-
 чаях слова не таковы, а лишь
 философской терминологии. Это может
 пропитывает все со мышление. При-
 буду еще одну критику, чтобы крити-
 кить мои попытки и успехи, с какими
 думаю Гуссерль выступит в книгах
 своих. Но, так как идеальное пред-
 меты существуют по истине. Это, конечно, не

не отрицает того, что сила этого данія и
съ кимъ сила предикціи не влаетъ и не сов-
сѣмъ тотъ же, когда съ реальнымъ субъектомъ
приващется или отрицается реальный преди-
катъ, со свойство: мы не отрицаемъ этого,
наоборотъ, мы подтверждаемъ, что въ предѣлахъ
отвлеченнаго единства существующаго или, что
иначе, предмета вообще сѣтъ основная, ма-
териальная разница, съ которой мы сти-
маемся, отделяя идеальное даніе отъ ре-
ального, дѣлимъ, какъ видъ, отъ данія индиви-
дуального. Но это различіе не отрицаетъ
всего единства въ понятіи предмета.

И еще: „на какомъ примѣрѣ мы можемъ
можемъ ^{идеаль} ~~идеаль~~, что въ понятіи видъ стано-
вится предметомъ и тѣмъ по отношенію
къ виду возможно существо въ тѣхъ же
логическихъ формахъ, тѣмъ и въ отношеніи
къ индивидуальнымъ предметамъ“. И,
чтобы показать ясное понятіе, того родив-
шаго Гуссерля, онъ иллюстрируетъ своимъ
мысль примѣромъ: „Но, что вращаетъ
полоски: — П есть трансцендентно сущ-

187

ло, когда ма, читая его въ книги или, обра-
щаясь къ другимъ, имѣетъ индивидуальнаго лица, въ ко-
торую входятъ черты нашего индивидуальнаго
переживания. Въ каждомъ отдельномъ случаѣ
эта черта является индивидуальнымъ лич-
ностнымъ, но сама въ высшемъ своемъ положе-
нii должна быть похожденна... Въ про-
тивуположномъ безразличному разнообра-
зiю индивидуальныхъ переживаний, то, что
въ насъ вложено повсюду идентично; оно
материально въ стѣнѣ и вѣнѣ, а не въ ~~этомъ~~
словѣ. Какъ бы ни было много лицъ и актовъ
судебны, знанiе положенiя не уменьшается,
судебны въ идеальномъ, материальномъ
смыслѣ — равно... И рѣшь путь идентично не
простой идентично, которая находитъ себя
оправданiе въ подготовности предполагаемыхъ
ею объясненiй; мы беремъ ее, какъ непо-
средственно воспринимаемую истину и
считаемъ ее на послѣднii автори-
тетъ въ вопросахъ знанiя — на очевидность.
Вотъ каковы ясныя заговорныя высказыва-
нiя въ лицѣ современной философии,

[illegible]

мало міра: воні тують істину, слови
ми, свободное мислѣни готова були бы по-
чтати тѣкого гонима и не потрібовали
бы отъ него доказательствъ правомѣрности
его утвержденій.

Побірно: никто изъ современныхъ философовъ
не осмѣлился ^{побороть} ~~отъ~~ такой силосою, остро-
той и силой, какъ Гуссерль. Онъ не можетъ
никакихъ компромиссовъ, ^{это не} такъ соблюди-
ти, какъ Боуи иство мислѣни. Либо от-
вѣдѣсть есть ^{та} ~~та~~ научная истанція,
гдѣ чловѣчестіи дуръ научають свое
обязательное и полное удовлетвореніе,
либо познаніе наше оканеетъ при-
раженіемъ и численіемъ и на землѣ пре-
ступитъ царство добра и бегуніи, въ
которомъ на державномъ права разума,
на его силіи и корону стануть при-
тизять все, кому только не имѣетъ
противуположную и „истина“ оканеетъ
и мало не похотѣи на тѣ несправе-
дливъ законъ, которое икѣи и находили
до сихъ поръ строгія науки. Сеченіи

принадлежитъ удачная формулировка от-
носно положенія ощущаемаго древ-
нимъ философомъ: ipse creator et conditor
mundi semel fuisse semper patet. Иначе
о томъ, что что-то и что-то прина-
длежитъ не миру, а отъ представлений
и въ немъ. Они такъ не говори-
ли, но думали, что съ идеей божества не-
разрывно связана идея происхождения, ~~котора~~
~~яко~~ ^{учае} ~~всегда~~ ~~въ~~ насъ къ столь страш-
ному и невообразимому областному Schwa-
meri und Aberglauben, отъ которыхъ
насъ такъ предохраняетъ Кантъ. Въ
сущности и ученики Сенеки и самъ Сенека
были людьми "уби Argenta", что никакъ не
когда, ^{ни разу} не приказывали — разсеивать
и уничтожать миръ — и еще и въ разчи-
ненъ существа всегда повиновались. Въ
этомъ свидетельствуетъ очевидность
которая не есть мистический голосъ
изъ иного мира, а такъ свободно и ясно
иногда несколько не импонирующий, ~~отъ~~
которая открываетъ ~~что~~ ~~внѣшней~~ ~~спирой~~ ~~близъ~~, обнаружен-

ваянии вообще названной предположитель-
 ной рефлексией. Исчерпывается и не
 Лейбница, различавшая *veritas de ra-
 tionem* от *veritatis de fait*. Для Лейбни-
 ца истина разума (которая еще называ-
 ется вольными истинами) состоит в вос-
 становлении Бога, не испрогнувши его существова-
 ния. Кант, в своей критике чистого разума,
 которой было предназначено свалить лейб-
 нице-вольровский догматизм, без коле-
 баний заявляет, что оплот, который
 говорить о том, что есть, но не гово-
 рит, что то, что есть по необходи-
 мости есть такое, а не иное, не удо-
 влетворяет, а разрушается нами
 разум: бытие *sub specie* должно быть на-
 всегда истинно из философии, которая
 есть и должна быть вольными царством
 разума. Лейбниц — и тут он и так
 архаизмизм Канта, в разуме, в
 повиновении призывающему истинно-
 умственному плану и тому подобному.
 Эти истины говорить еще не можно

принуждают, но и удовлетворяют
нас. Но ни Лейбницъ, ни Хейнхель-
рихъ никакъ не ставятъ въ основу улу-
чшеша бытлаго истинъ, на которую
они грантируютъ молчаливо. Понимаю, че-
серно было дано въ умахъ такъ гово-
рить объ очевидности, какъ, собственно
говоря того требовала исключительная
философское значение антропологии. "то
истинно, но абсолютно истинно, само по
себе. Истина по существу сдана, восприни-
маютъ ли ее въ сужденіяхъ люди или
чужовица, ангелъ или богъ."

III

Въ ^{есть} ~~своихъ~~ стремленіяхъ едва ли философы
научились объ абсолютныхъ истинныхъ фактахъ
не знаютъ никакой удержки. ^{свои} ~~Но~~ ^{они} ~~они~~
и идею въ примѣненіи не только
въ естественныхъ и математическихъ на-
укахъ (факты истинны не безъ доказательства
или, если бы не было въ математикѣ дру-
гую точку зрѣнія). Они хотятъ давать
директивную исторію — они хотятъ опреде-

лані через еррономатическу редукцію
 вє прѣдложеніи слово тєсєає душоу. Рєтєва-
 блатороднои и вєсєвєющєи ^{примитивно} ~~мєтєдичєскє~~ ~~мєтєдичєскє~~, оу-
 тємь мѡущємь и напращєніємь вєсєо оу
 мѡстєнєає сущєствє оу и ієрєсє вєтєстє
 на іаушєтєу дєавєтєнєає и дєи сєвоиє. Огѡбє-
 по пѡучитєсєнє оу спорє єє сє іаушєтєнє
 сѡврємєнєнєомь Дилєтєсєнє. Гусєрєвє тѣмь
 Дилєтєсєнє, мєає тѣмь оуиєтє учєнєи
 мѡстєтє тѣмь друкѡю. И тѣмь чє
 мєтє оу єтє прєвєсєтє сєо, кєає Дил-
 вєртєа и Друкѡнєа, вє сумаєсєдєи
 дѡмь оуиєтє вє лѡєнєоуєнє Дѡмь сєа-
 бѡлє вѡрєсєнєнєнє. Но, єтє дє, сумаєсєдєи
 дѡмь вєтєстє сумаєсєдєиєтє дѡмь,
 и тѣмь іаушєтє сєо нє пєзєбѡи.
 Оєнєбѡи мєає Дилєтєсєнє, вєсєвєющєа оуиє
 єтєрєтєнєи єтєпѡрє Гусєрєвє вѡрєтєнєа и мє
 єтємь вє єтєдєтєнєи, нє вєтєвєлєтєнєиє нє-
 лєтєтє нєчєо лѡушєкє по сѡєи єтєпѡи єтєпѡ-
 єтє лєкѡєтєи єтєбѡхє: прєсє вѡрѡтє „єтєтєтє-
 вєтєнєиє єтєтєа и вєє прѡшєє нєчєсєтєтє
 єтєсєлѡтєнєа єтєтєтєтєтє кєає-лєбѡ єтєтєтє-

ной орбита неизменной устремленности, религии
и философии. И такими образом, установле-
ние исторического состояния разрушает
еще постоимительнее, тем же образом скоро-
~~постыжительно~~ считает веру в «блесна-
чность» какой либо философии, которая
пыталась при помощи комплекса поня-
тий вызвать обязательным образом
мировую сущность бытия". На это Гуссерль
расско отвечает: „Либо увидят, что
историзм, при консервативном прове-
дении, переходит в крайний скептицизм
~~скептицизм~~ ^{субъективизм}. Идея, истина, теория, нау-
ки потеряли бы тогда, как и все идеи
вообще, их абсолютное значение. Что
идея имеет значение означало бы
тогда, что она является объективным
достоверным образованием, которое при-
натым значущим и в этой объектив-
ности значения определяют собой лич-
ность. В таком случае значимость,
как таковая, или в себе, которая
есть, что она есть даже тогда, когда

207
всѣмъ, отътаболоуиъ релативизмъ,
хотѣ бы не индивидуальний, а спе-
циализмъ. Не колеблется Гуссерль заявля-
етъ: "исторія, эмпирическая наука
о думѣ, не въ состояніи своими силами
постигнуть ни положительнаго ни
отрицательнаго отношенія того,
нужно-ли различать между религі-
ей, какъ культурнымъ образованіемъ и рели-
гіей, какъ идеей т.е. значимой религіей,
между искусствомъ, какъ культурнымъ
образованіемъ и значимымъ искусствомъ,
между историческими и значимыми яв-
леніями, наконецъ, между исторической
и значимой философией, а значитъ, от-
ношеніемъ того, существуетъ или не
существуетъ, вьиражаетъ по платоновски,
отношеніе идеи къ ея затѣмленной,
феноменальной опорѣ." ~~Анато~~ Фило-
софское размышленіе, обязано разграничу-
тъ насъ задачу міра и жизни

Въ приведенныхъ словахъ мысл. Гуссерль
доходитъ до своего кульминаціоннаго

пункта. И нужно сказать, что, не смотря
 на то, что среди новейших философов ^{никто} ~~никогда~~
 не ратуются за такой субъективизм и похвалю
 говорит о „Schrankenlosigkeit der objektiven
 Vernunft“ (или вытиски это на примьрарх Зиг-
 варта, Эрдмана, Шуберга) фактически все
 считают, что разум и только разум
 должно и может отвечать на все воп-
 росы, разрешающиеся в человеческой жизни.
 „Отсутствие — есть как бы роль между-
 со-вещий, из-за нее, ^{объективности чуждого} превращается ~~как~~
 в камень, безвольно погнупующийся всеми
 видениями света. Но большинство фило-
 софовствующих людей не дают себе отге-
 та в том, что они во власти мажон-
 но захваченной и непонятной силе,
 приучающей их принимать существо-
 разум даже тогда, когда онъ прояв-
 лется в чужом самом непроизвольном тре-
 бовании. Люди, по закону Фридриха дер-
 жавы в средних поисках бытия — и не
 рискуют допустить до окраины, и вы-
 цини себя убеждение, что изгнанный

средний, путем закнчений, может
судить о том, что происходит по
охрана. Но средний ^{Юна} ~~зона~~ человеческой
и мировой жизни не поворачивает ни по
эксперименту, ни по полету. Для того,
чтобы судить о чужом, нужно во всем
подумать. Самое ошибочное заключение:
разум ^{мать} ~~мать~~ много знает, значит
он может судить все. Но ~~много~~ не
знает все: много и все совершенно
различно, невообразима одна из групп
натурой. Даже религия — получает
свой смысл и значение, лишь по сооб-
ществу, поскольку она может опереться на
очевидность. ~~Она~~ Разум религии, как
религия имеет „значимость в себе“,
т.е. без какой религии существует только
Бог, в какой за только Бога т.е. Бог от-
кровение богостоящего только человеческого.
Она — стану, огромная забота человечества
во всем, что она держит так поста-
вить вопросы. Иные, собственно говоря, ее
~~Einstellung~~, как она выражается, на-

расчено уже против самого Канта, но —
 торой, не смотря на всю радикальность
 и критики истинного разума, все же не могли
 не внести в свою философию постулатов
 о Боге, бессмертии души и свободе и ока-
 зать всесторонние критики ^{истинного} (разума и воли
 критикой разума практического. Гуссерль
 вырвал свои задания, держитесь ближе
 к Канту. В "Форме" Кант дает
 дает вопрос: оттого ли ^{свѣтое} ~~боги~~ ~~и~~ ~~свѣто~~,
 что его любят боги, или ~~боги~~ ^{оттого}
 любят свѣтое, что оно свѣто. И, конечно,
 принимает второй ответ. Свѣтое не ро-
 ботами, как не ро- всемирные организмы
 идеальны истинны. Свѣтос не создано и,
 чтобы оно не возникало — все и
 формирует призыв, и не только и, но и
 априор, и феномен, и бог. Свѣтое остается
 свѣтым, как все идеальны истинны, хотя
 ему, как и истинным идеальным разумом —
 только безразлично, ну или оно или не ну или
 идеальное, неистинно или оно истинно (идеальное или
 идеальное, идеальное или идеальное: истинно

[illegible]

стъ джунтених (абои) натицаетъ змону
 пали, рѣчь расули съ безвѣдностью
 показывается пали, что тучи уже все
 кнесто, что тучи больше ниско пали.
 тучи натицаетъ то, что Киргизаръ
 нискоетъ вѣрой и что онъ опредѣля-
 етъ, какъ „бѣдующую борьбу съ возможным“
 м.с. съ возможностью невозможнаго. Уро-
 сое Руссерис сумасшедшимъ гонимъ и
 нудитъ Киргизаръ — онъ самъ разбѣжитъ
 о „бѣдующую“, это опираетъ на слова ли-
 сани — мудрость человека, есть бе-
 зумие предъ Богомъ. Бразда, люди ~~они~~
 больше всего на свѣтѣ боятся и изби-
 раютъ бѣзумия — Киргизаръ въ знастѣ,
 и не разъ повторитъ, что люди не
 живутъ и умираютъ въ часа бѣдующую и
 смерти. И въ правѣ. Въ Платоновскомъ
 „Ред. ст.“ на ритмично, что философия
 есть управление въ смерти. Тамъ все
 сказано, что все, которое натицаетъ
 въ разномъ представлени философии, что
 и скрываютъ отъ друзей, но ниско что

ни думать, как бы подготовиться к смерти
и умираю. Надо думать, что наша жизнь
внушена бога. Поэтому отходящим
осуществляется ~~пр.~~ ^{смерть} из жизни. Сократово — Платон не чен
предельной жизни, не- но возвращается больше — в то же время
расширяется с благодарением ^{своему "государству" и "зако-}
нотворцами: ^{как бы понимать слова:} ~~зако-~~ ^{на} ~~но, что~~ ^{знает} ~~государство~~
есть гарантия в смерти? Не есть
ли это именно гарантия в борьбе
с законом противоречия, с зако-
ном, не желающим принимать ни
каких ограничений и заставляющим
в свои руки власть определять, что
с жизнью, что с жизнью с ^{показывается} ^{возможное} и ^{называется}
обнадежить ^{идею} у ^{входа} ^{невозможное}? Неожиданно ^{взгляду}
в рай? ^{можем} ^{показать}, что эта ^{власть}
и ^{принадлежит} ^{разуму} по праву и
что в этом ^{идею} ^{ниже} ^{ни} ^{указано}
но ^{просило}. На самом деле ^{идею}
обратить ^{своего} ^{по} ^{идею}. Вот
идею ^{жизни} ^в ^{идею} ^{идею} ^{идею}
идею, что ^{идею} ^{идею} ^{идею} ^{идею}
возможно ^{идею} ^{идею} ^{идею} ^{идею}

тительна въ разуму. Кант Гуссерль говорятъ:
 разумъ приказываетъ, чловкъае долженъ пови-
 новаться. И этого еще мало, что чловкъае дол-
 женъ повиноваться: онъ долженъ еще благодарить
 все приказаніи, идущи отъ разума. Прилижи
 кому, и влется такъ очинившаяся когда то была проповѣдь Бетра-
 нити. Гуссерль постоянно рекомен-
 довалъ намъ изучать Киркегарда. Въ такомъ
 же мѣрѣ онъ могъ бы настаивать на томъ
 и заставить Нитше, если бы и Нитше уже
 не всталъ за мѣсто и тотъ же то, какъ осно-
 вались со сочиненіями Гуссерля. Между уге-
 ниемъ Гуссерля съ одной стороны и Нитше
 и Киркегарда съ другою есть глубочайшее
 различіе. Абсолютныирихъ итти,
 Гуссерль этииъ аяирихъ релативизировали
 быирихъ, титирихъ чловчеческую иттирихъ. Это при-
 нципирихъ было сдѣлать и Нитше. Отдаваясь все
 что во власти разума, который на ряду
 съ собою не признаетъ никакого авторит-
 та, онъ заявляетъ: "кто иттирихъ дости-
 гнуть того-либо великаго, если онъ не извѣщаетъ
 въ себя силу и готовность пригнать вѣирихъ"

М. и Н. 106

т. V, 246

страдания? Умный терпимый — самое
последнее дело: в этом слабые ма-
шины и даже рабы часто достигают
виртуозности. Но не познаны отъ-
ески и солидный, когда приходится
принимать другие великое страдание
и слышать вопль его — это велико,
в этом проявляется величие. Откуда
взяла ^{ахъ} жизнь это убеждение в том,
что готовность проявить беспощадную
перестановку из утробы является при-
знаком величия? И такого, величия,
которое человек способен вознестись
всех сердцем и душой. Именно восток
сердцем и душой — как ты пред-
ставишь писание по отношению к Богу.
По требованию разума люди, как
уверены жизни, Бога убивают. Я на-
стоя, что не могу здесь целиком про-
тирывать то мѣсто, из книги жизни
в котором он рассказывает о
этом, „преступлении и преступлении“.
Но по требованию разума ^{какой} его пришлось

или роженица, как пригодится рожавца
 на все, что разум считает нужным и
 справедливым. Разум в своих ^{заповедях} требованиях
 беспощаден, не доисп-ли мы, наконец, не- Н.И. 23
 мить Нитме, похеривовант всем утешающим,
 святым, изысканным, самым надежным, все-
 второй в скротную гармонию, блаженство и спра-
 ведливости в будущем? Не доисп-ли мы по-
 херивовант самим Богом и, из нестакости
 из себя, обоготворит камень, тупость, та-
 кость, судьбу, ничто? Похеривовант Богочи-
 ради "ничто" — это парадоксальное таинство
 похеривант нестакости вначале на дуть на-
 шего похеривант: мы все знаем кое-что
 об этом. Можем быть, даже повторное
 похеривант слова Нитме не соответствую-
 ть действительности: далеко не быть знаем,
 что вв исполнение требований разума, как
 придется обоготворит камень, тупость, ничто.
 Спорт и наоборот! Божественство изначало
 этого не похеривовант. В той бесче-
 стности, о которой в других мыслях
 своих писали, само Нитме не мало раска-

этой паче, и ищется самобытность не пред-
ставили и современно и науки и современно-
философии бесцельно вторають свою судьбу
и судьбу ^{всего} человечества разумно, не зная
и не отрицающую свой предел
своей власти. Разум требует и не без
прямостенно готов оборотиться что угодно
намень, глупость, ничто. И никто не дер-
зает поставить вопроса! что застави-
ть нас, какая таинственная сила —
откуда-то от себя своих надежд и
упований, от всего, что мы считали свя-
тым, утешающим, в том мы видели
справедливость, благословенно. Разум, кото-
рому до наших надежд и отчаяний
ничего никакого дела строгий не воз-
бращает даже ставит такие вопросы.
и к кому с ними обратиться? к
разуму-себе? но он уже на них отве-
тит? Иной же судьбы, кроме самого
себя, разум никогда не признает — это
было бы для него равносильно отрицанию
от него отрицания нравов.

Я пишу легко, конечно, привнес слова Кипича,
хотя и не с Руссером и Кипича погону то не
когда не говоришь: возможно, даже вероятно, что
Руссер не знал или очень мало знал Кипича
по с Кипича, и как и с Киртгардом, с таскани-
нским образом обличая готовность, впрямь,
непродолжительная потребность подойти к тому,
что он показывал сущностью философии — не
начинаешь, не кончаешь, не корняешь всего. Обо
они беспрочно вступились „разуму“ — оба престо-
пачились перед разумом, но свои матерья осуществляют
принципы Roma locuta causa finita. И, когда
разум требует отрицания отъ всего, что
имеет сущности обличить, что ищущим, отъ того,
Ахтенъ и не вступили свои надписи, с этимъ свещи-
вали свои божество — оба безропотно и даже
благоговейно приняли все, чего разум требует
всего. И ничто не было сказано: а всевозможности
и Кипича аподеоза благоухающей местоло-
ти отнюдь не есть, как многим казалось,
каким совершенно новое и несомненное до Кипи-
ча с философии. Только до Кипича никто
с такой резкостью, определенностью и выно-

ты съ тѣмъ съ тѣмъ свѣтлоблже-
нны поэтѣ въдохновенъ не упиаван
идей ксумочной, безъизвѣстной тѣмъ-
коетѣ. Но въ тѣхъ идеяхъ уже кѣмъ омиъ бѣ-
ла вѣро, бѣтѣмъ англійской философи-
и, какъ оное погѣ перломъ, тѣмъ дичи
къмъ въ самомъ востановленъ постро-
нѣмъ англійскаго языка. Когда Платонъ
въ, Золотомъ ^и вѣсѣмъ, что отъ дѣлѣ
существо (по простѣ поворѣ тѣмъ чѣ-
ди) существуютъ не дѣмъ себя, а ради ^и чѣ-
мъ — оуъ уже кѣмъ омиъ прѣдвоскитѣ
Китѣ. и поспѣднѣ ^{великій прѣдсѣмъ} философи въ разнѣ
тѣмъ ^{тѣмъ} съ тѣмъ, свойственнѣмъ ему смѣлѣмъ,
которой тѣмъ оуъ оуъ него, поспѣднѣ-
му, поворѣ бѣмъ негѣмъ. Удивитѣ тѣмъ

Всѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ, разрушающѣмъ оуъ оуъ, безъ оуъ тѣмъ
тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ. Все это тѣмъ тѣмъ тѣмъ
бѣмъ, въ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ
тѣмъ, ии поспѣднѣмъ. Все это тѣмъ тѣмъ,
тѣмъ и тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ
свѣтлоблже тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ
тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ
тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ
тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ тѣмъ

ства онтологическая и бивалингвизмная. Проведя,
 сам Плотин, с концы концов, сгребая
 величайшую конотину, вместе с той раз-
 ностью, стоит по ту сторону, знания и
 разумный. Вроде и, конечно, от этого не могу
 распространяться - и достаточно от этого
 говорить во многих местах. Но, поскольку
 он был в силах во всем антиквизм и истин-
 ность и при этом, иронически и истинно,
 и эту приложимость, и короче самосознание,
 и принимая чужие условия существования,
 как и то, что происходит в антиквизм из кон-
 та, истинно и короче истинно. И потому же
 до наших дней. Имплите все разумно, что и закон
 наше истинно, как в восточной Селена, и даже
 не только наше истинно, но даже истинно
 велико живого существа конечно безоружно
 и радостно покорителю всему, что разумно откоро-
 вает в нем: *fata volentem ducunt volentem*
trahunt. Идея была безразлично благостно
 всеми помыслив, всего разумных существ. Итого же
 быть истинно, так безразлично возмущавший, "му-
 ровью рабов" и противоблаженный ей, "мораль господ"

сильно, и что
 по божеству
 личную раз-

1) Со Луссерлем мне пришлось разговаривать в Бельгии Люци-
 по, с той отарователю правды, которую и так в нем
 и была сказана мне: Люципо и никто не занимался и не

Длаговѣйно смирился предъ рокомъ Бѣги
рабѣмъ рока, исподкѣтъ — и не за страхъ,
а за совесть — вѣсь его вѣлѣніи ему не каза-
лось ни позорнымъ, ни страшнымъ. Онъ открѣ-
пѣ и морсе вѣроуверенно проповѣдывалъ
дальше не покорность, а любовь къ року (amor
fati) со вѣрми его неумолимостимы и без-
пощадностимы: наше разумъ и то знои се
началь, истѣнакъ и корень всего, которое а-
тѣмъ разумъ приносѣтъ, — да отъерваотѣ
наше истѣнакъ, ~~котора~~ ^а непродолжитѣ ^а не такъ
ко для насъ, но и для божіихъ существъ —
демоновъ, ангеловъ и божествъ. Всякая политика
боротѣся съ этими истѣнаками есть безу-
міе. И Киптисъ, какъ и Гуссерль, — ^{чувствовали} ~~каждый~~
по своему враждебный этой идее, ~~каждый~~,
что они ничѣмъ неучувствовали: Они стоятъ
надъ истѣной самозабвѣностію.

Но, отъсю тогда Гуссерль такъ настойчиво
и непреклонно ^{послалъ} ~~требовалъ~~ ~~отъ~~ ~~меня~~ ~~къ~~ Киргеноду?

Киргеноду говорилъ морсе о рока. И, со
своей вѣрой, ему противобѣдностью, и было
предвосхищая Гуссерля и Киптиса, писалъ, что

чьим гудом, значительнее, чьим гонимым че-
 ловеком, чьим беспримечным и даже редко блаженным
 или. Но, на этом же разе, можно в противополо-
 ности Гуссерлю и Айнштейну ^в изобразить: ~~чужим~~ ^{этими}
 трудно признаться, но приложимся сказать, что
 величайший человек — есть величайший грешник. Бесцельно
 Фрейд из разума не только тогда, когда он ру-
 ководит нас в предлах того, что называется
 эмпирическим миром или в среднем покаянии дитя,
 но и тогда, когда когда нас обрадовывает собой
 нашей жизни на окраинах существования, есть грех,
 есть порождение, величайшее падение, какое можно
 иметь — то, о котором расказано в са-
 мом конце книги Псалтирь: телесные, вкучаясь в породе
 дерева полноты, отрезкается, припухает отрезом
 отъежени. Для нашего разума — это предосте-
 ление, безумие. Киртгард это знает, знает
 только все хорошо, даже лучше, чем кто бы ни был.
 Но ^{его это} ~~для~~ ^{его} ~~всего~~ знание не удерживается. Для него
 Юб — не просто ипотезирадавилый человек для
 него Юб — личность, правда ^и "чужие личности",
 но такой у которого можно узнать то, что не
 отрезывается ни великими предостережениями со-

расменой философии ни на Блестящих счи-
позионах древности: есть нечто вьсь, на кото-
рале телесный страданіи превъишество-
морской перекл. Повторю - несколько из повто-
рять все мало - Кирсгардъ превъишество „Идеи“
свои самосвѣдѣніи и стѣхъ разумъ и азъ
люди: онъ испомощь азъ самими собой.
и все нѣ, вѣрховнаго Лиганіи, отъ гнѣ-
стѣ аранжіовую попытку прогнѣтѣ самос-
свѣдѣніи: Самосвѣдѣніи, онъ прогнѣ-
воставилъ - какъ „вспоминіе“ великое че-
ловѣческое горе и нѣ утѣса, которые нѣ
нѣсь. Нѣсь, конечно, отрицатѣ: не снѣ оди-
ну пришло (отъ гнѣтѣ и гнѣтѣ) стѣ
предъ утѣсами дѣтѣ: и гнѣтѣ, философия
не философия дѣтали въ это попоминіе. Но
нѣтѣ - то и возник^{на} Гнѣтѣ гнѣтѣ
нѣ: предъ лицомъ утѣсовъ дѣтѣ - прогнѣ-
нѣтѣ ли по превъишество припнѣтѣ дѣтѣ
нѣ то, нѣтѣ разнѣ намъ предъизнѣтѣ, какъ
такую, или рѣшѣніи, снѣдѣтѣ нѣтѣ,
поднѣтѣ вопросъ о компетенціи разумъ? про-
тѣмъ нѣтѣ разумъ, крикѣ^{на} дѣтѣ, „нѣтѣ“

[illegible]

того, что принято называть гносеологией
постиго. И тем не менее в противополо-
пости бытия предмета бытия филосо-
фии — философия бытия — „гносеологичес-
пости“, со всеми ее указаниями советами
не из покорности коворотителю, а
к Борьбе с ним, там и жиню, что
специфическая философия видит конец всякого воз-
можности^{ей} философии экзистенциальной
вспомогает начал Борьбы. Философия
экзистенциальная не есть „рефлексия“ бес-
словно получающая предъ непосредствен-
ны данные сознания, она есть Борьба, от-
чаянная борьба Борьба за возможность,
т.е. за продолжение того, что касается
постижения словом, постижения истины
нашему разумению. „Даже Бог, возник-
нувший Кирхгард, не так лихво невозмож-
наго — в этом практическом смысле по-
ведет и того тому, ^{что} ~~он~~ он уединен-
но в тишине. Возможности он предъ мною
не „возникли нежданно — в то во власти
отвоя, всеобщего и иного существа, разраб-

щая и благословенная человека. Какіе бы умы
 не открывались намъ - повторять никто изъ насъ
 не воспринимаетъ, какъ пророки и апостолы, каки-
 мръ бы онъ - они ни мало не свирепствуютъ,
 какъ въ томъ насъ умиротворить разумъ - что съ ни-
 ми борьба невозможно. Иисусъ Христосъ говоритъ:
 de profundis ad te, domine, clamavi: изъ глубины
 страдания падений человека возводитъ къ Господу.
 И въ пророкахъ и апостолахъ и въ священныхъ:
 смерти, и въ твоемъ тѣлѣ, и въ, и въ твоемъ подвѣдѣ?
 Они все возвращаютъ намъ, что Богъ нечестивъ о
 всякомъ живомъ существѣ, и что, въ послѣднемъ
 состояніи возмущается недействительность со-
 седей, беззаконности и свирепой безпомощной, а Богъ,
 который снисходитъ въ насъ "на голубь каждаго
 человека", Богъ, который есть любовь, который
 обѣщаетъ, что отринувъ всякую слезу. Конечно,
 на судъ разума - въ эту борьбу, въ объектив-
 ный и свѣдѣнный съ объективизмомъ упованіе
 людей - илюзія и мечта. Законъ жизни дается
 не самимъ Богомъ, законъ жизни не есть любовь -
 а въ насъ, непримиримый вражда - велика отъ насъ
 contra omnes. Иисусъ Христосъ возмущается,

это война снѣ отца и царя всего. Наши-
ли герои не были бы не те, которые
были истинны, падали и корни всего
въ любви, а те, которые осуществляютъ
въ жизни принципъ непримиримой вражды,
не апостолы и пророки, а Таллибай, да-
вший жизнь въ непримиримой вражде къ Риму
и Катонъ съ его ceterum censeo Cartagi-
nem delendam esse. Для разума, живущаго
въ мире и не смущающаго возвращеніемъ граж-
данскости — проповѣдь любви у проро-
ковъ и апостоловъ не имѣла и въ ортазъ сел-
ти меканскости, безсмысленно рѣшающагося
въ событіяхъ исторіи, а кроме пророка ^о и
отомстившаго — не изъ тьмы, а изъ новона-
ружен. и спасеніе Библіи о грѣшникахъ —
взорнать ^{поднять} вѣдуща! (Ферева мысли не толь-
ко не ^{находятъ въ противорѣчіи} ~~бранидуны~~, а е обусловлены плодами
съ дерева познания. Какъ палецъ Гуссерля ска-
залъ — ^{разумъ} ~~подать~~ ^{подать} ~~саи~~ ^{саи} ~~блжтн~~ ^{блжтн} „мудростъ“ ^и ~~должна~~
повиноваться. И, если въ откровеніи Іоанна
воскрѣсаетъ, то ридусъ тѣмъ, что отрица-
ваская ересь, что Богъ даетъ любовь илю

ды съ дѣрева жизни, — и какой проевливающей там
былъ не то что предметъ, но сознательный комъ
бы обвудить слова Акалий? Все состоитъ изъ того,
что убавляется, что знание не есть послѣдствіе
и окончательная истина — о томъ, что есть и
чего нѣтъ, о томъ, что возможно и что невоз-
можно и противъ очевидности приосматрива-
етъ знание истины никто не смѣетъ спорить.

Но, как-то Киртгард, к которому Зуссерн
отослалъ меня — ослышавъ споритъ тамъ,
что споритъ никто или почти никто не знаетъ?

Как бороться с нашей борьбой теперь,
что есть сейчас на миллион воя? Ответ.

^{из} тѣ на этотъ вопросъ и будетъ отъ него
обращенный хоматъ)
на вопросъ Макса Цанера. Для Гуссерля, какъ
и для Кирхгарда средній ретивей Шли не при-
^{нхотъ нити}летъ. Даже и въ обихованіи возмѣла во все

своей интеллектуальной росте проблема Энтверде-
Одер. Гуссерль, как и мы с вами говорили
пришли в отчаяние при мысли, что человек
такого знания есть знание условное, ~~н~~^и относительно
преодолеет, что, стало быть, ~~э~~^такая такая
непоколебимая истина, что Сократу отравили

